

ГЕНЕЗИС КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ КАК АГЕНТА НООСФЕРЫ: КРИТЕРИИ ПЕРЕХОДА ОТ *HOMO SAPIENS* К *HOMO CONSCIOUS*

Легостаева Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент,
SmartLab ООО «Онлайн Институт Смарт», Екатеринбург
lennylen@mail.ru

Преснецов Евгений Евгеньевич

Тольяттинский Государственный Университет;
докторант, ООО «Онлайн Институт Смарт», Салехард
presnetsov.evgeniy@gmail.com

THE GENESIS OF COLLECTIVE CONSCIOUSNESS AS AN AGENT OF THE NOOSPHERE: CRITERIA FOR THE TRANSITION FROM *HOMO SAPIENS* TO *HOMO CONSCIOUS*

**E. Legostaeva
E. Presnetsov**

Summary: Background. This article explores the hypothesis that the emergence of collective consciousness served as a pivotal factor driving humanity's technological and social development from the Neolithic period onward.

Objectives. To analyze the necessary and sufficient conditions for the formation of collective consciousness.

Study Participants. The study compares L.S. Vygotsky's cultural-historical theory, C.G. Jung's analytical psychology, Y.N. Harari's historical-anthropological approach, M. Lieberman's social neuroscience, and V.I. Vernadsky's noosphere doctrine.

Methods. Utilizing structural-analytical and synthetic-theoretical methodologies applied to the aforementioned conceptual frameworks, a comparative examination of the phenomena of individual consciousness, collective consciousness, and collective intelligence is undertaken, with the objective of explicating a hitherto unarticulated constituent of noospheric organization—collective consciousness functioning as an autonomous agent.

Results. Through examination of historical and cultural evidence, the evolution of collective representations from animism to monotheism is traced, revealing three key parameters: quantitative (critical population threshold), qualitative (adequate neurocognitive development level, including the "social brain"), and temporal (sustained transmission of cultural patterns, establishment of sign-symbolic systems and archetypal structures).

Conclusions. The study concludes that collective consciousness constitutes a systemic property of large human groups, characterized by autonomy and self-preservation, requiring an interdisciplinary approach for comprehensive investigation.

Keywords: collective consciousness, species transition, sociogenesis, neurocognitive development, collective intelligence, archetype, sign-symbolic system, cultural-historical theory, social brain, agent of the noosphere.

Аннотация: Актуальность. В статье рассматривается гипотеза о возникновении коллективного сознания как ключевого фактора, обусловившего технологическое и социальное развитие человечества, начиная с периода неолита.

Цель. Проведение анализа необходимых и достаточных условий для формирования коллективного сознания.

Выборка. Сопоставляются культурно-историческая теория Л.С. Выготского, аналитическая психология К.Г. Юнга, историко-антропологический подход Ю.Н. Харари, социальная нейронаука М. Либермана и учение о ноосфере В.И. Вернадского.

Методы. Применяя методы структурного анализа и теоретического синтеза рассматриваемых концептуальных систем, проводится сравнительный анализ феноменов индивидуального сознания, коллективного сознания и коллективного интеллекта, с целью выявления ранее не артикулированного элемента ноосферной организации — коллективного сознания как самостоятельного агента.

Результаты: на основе историко-культурного материала прослеживается эволюция коллективных представлений от анимизма к монотеизму. Выявлены ключевые параметры формирования коллективного сознания как фактора эволюции: количественный (критическая численность популяции), качественный (достаточный уровень нейрокогнитивного развития, включая «социальный мозг») и временной (длительная передача культурных паттернов, формирование знаково-символической системы и архетипических структур).

Выводы. Делается вывод о том, что коллективное сознание представляет собой системное свойство больших человеческих групп, обладающее признаками автономности и самосохранения, а его изучение требует применения междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: коллективное сознание, смена вида, нейрокогнитивное развитие, архетип, знаково-символическая система, социальный мозг, агент ноосферы.

Введение

Современный этап технологического развития, берущий начало в промышленной революции XVIII века, актуализирует вопрос о факторах, определяющих эволюцию вида *Homo sapiens*. В то время как футурологические концепции часто акцентируют внимание на киборгизации или дигитализации индивидуально-личностного сознания, вопрос о глубинных причинах подобного ускорения эволюции вида *Homo sapiens* остается открытым.

Одним из вероятных факторов, наряду с ростом численности популяции, могло стать формирование нового системного качества – коллективного сознания. Как отмечал В.И. Вернадский, человечество в своем развитии представляет собой не просто биологическую популяцию, но геологическую силу, преобразующую планету. Данное исследование ставит целью определение критериев, позволяющих говорить о возникновении коллективного сознания как эмерджентного свойства больших человеческих групп.

Методы

Исследование базируется на интегративном подходе, сочетающем структурный анализ и теоретический синтез культурно-исторической теории Л.С. Выготского, аналитической психологии К.Г. Юнга, историко-антропологической концепции Ю.Н. Харари, социально-нейробиологического подхода М. Либермана и учения о ноосфере В.И. Вернадского. Методом сравнительного анализа исследуются структурно-функциональные характеристики индивидуального сознания, коллективного сознания и коллективного интеллекта, что позволяет эксплицировать коллективное сознание как самостоятельный агент ноосферной эволюции по В.И. Вернадскому.

Результаты

В ходе проведенного исследования выявлены следующие закономерности формирования коллективного сознания. Рабочая гипотеза исследования постулирует, что генезис коллективного сознания детерминирован конвергенцией трех ключевых параметров, которые в макроэволюционной перспективе репрезентируют последовательные стадии становления ноосферы [1, с. 412–415]:

1. Количественный критерий. Наличие критической массы популяции (порядка ~1 млн особей и более), что создает потенциал для сложных сетевых взаимодействий. Робин Данбар в своих исследованиях показал, что размер социальной группы у приматов коррелирует с объемом неокортекса, при этом для *Homo sapiens* опти-

мальный размер устойчивой социальной группы составляет около 150 человек («число Данбара») [7, с. 89–92]. Однако переход к более крупным сообществам требует качественно иных механизмов социальной интеграции [5, с. 156–159].

2. Качественный (нейробиологический) критерий. Достижение определенного уровня сегментации мозга и развитых нейрокогнитивных структур, позволяющего оперировать абстрактными символами и участвовать в распределенной мыслительной деятельности. Ключевую роль здесь играет «социальный мозг» – термин, введенный М. Либерманом для обозначения специфических нейронных сетей (включая медиальную префронтальную кору, височно-теменной узел, предклинье), настроенных на социальное обучение, взаимодействие и понимание психического состояния других [10, с. 58–63].

М. Либерман убедительно доказывает, что эти структуры являются «настройкой по умолчанию» для человеческого мозга: когда мы не заняты конкретной задачей, мозг автоматически переключается на социальное мышление [10, с. 75–81]. Этот нейробиологический аппарат является субстратом для усвоения культурных кодов и формирования того, что Л.С. Выготский называл высшими психическими функциями [2, с. 145–148].

3. Временной (структурный) критерий. Существование указанных условий на протяжении нескольких поколений, необходимого для формирования устойчивой знаково-символической системы. По Л.С. Выготскому, именно знак выступает культурным медиатором, преобразующим натуральные психические функции в культурные. Слово становится средством произвольного направления внимания, абстрактного мышления и волевого поведения [3, с. 267–274].

Параллельно происходит кристаллизация архетипов коллективного бессознательного. К.Г. Юнг определял архетипы как универсальные, врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного [12, с. 64–67]. Они выступают глубинными психологическими паттернами, наполняющими символические системы универсальным содержанием [4, с. 154–158]. Дж. Ш. Болен продемонстрировала, как архетипы античных богов продолжают функционировать как внутренние драйверы поведения и социальных ролей в современном обществе [8, с. 28–35].

Именно третий критерий является системообразующим, однако он реализуется через второй. «Социальный мозг» (М. Либерман) выступает биологическим интерфейсом, через который индивид интериоризирует знаково-символическую систему (Л.С. Выготский), черпающую свои универсальные сюжеты из архетипического фундамента (К.Г. Юнг). Таким образом, архетип (К.Г. Юнг,

Дж.Ш. Болен), знак (Л.С. Выготский) и «социальный мозг» (М. Либерман) в совокупности образуют неразрывную триаду: биологический механизм, глубинный психологический паттерн и культурно-историческое орудие, совместно конституирующие коллективное сознание – ту самую «мысль», которая, по В.И. Вернадскому, преобразует биосферу в ноосферу.

Отсутствие хотя бы одного из этих условий, как показывают примеры изолированных сообществ [3, с. 312–315], препятствует переходу на новый уровень социальной организации и эффективности.

Эволюция психики и социальной организации: от общины к ноосфере

Сравнительный анализ с предшествующими гоминидами (например, неандертальцами) демонстрирует, что их когнитивный аппарат был в большей степени ориентирован на решение узкопрактических задач индивидуального выживания [15, с. 387–392]. Как отмечает А.В. Марков, увеличение объема мозга у неандертальцев коррелировало преимущественно с объемом операционных действий, выполняемых индивидом автономно, тогда как у *Homo sapiens* наблюдается иная траектория – развитие именно социально-когнитивных способностей [15, с. 401–407].

Переход к виду *Homo sapiens* ознаменовался возникновением новых социальных структур. При численности общин, превышающей ~150 человек, возникает феномен коллективного интеллекта, основанный на разделении труда. Переход от небольших групп к крупным общинам, как отмечает Ю. Н. Харари, стал возможен благодаря способности *Homo sapiens* конструировать и совместно верить в интерсубъективные реальности – общие мифы, которые не существуют вне коллективного воображения [9, с. 27–31].

Эти «мифы» (религии, государства, корпорации, деньги, права человека) являются проявлением формирующегося коллективного сознания, где архетипы предоставляют универсальный каркас [12, с. 89–94], а знаково-символические системы – их культурно-специфическое наполнение, усваиваемое через механизмы социального мозга [10, с. 112–118]. Этот процесс можно рассматривать как ранние этапы кристаллизации ноосферы – сферы разума, которая, по Вернадскому, представляет собой новое геологическое явление на нашей планете [1, с. 478–485].

Эволюцию этого процесса можно представить следующим образом:

Этап 1 (Анимизм). Опосредованное взаимодействие с миром через персонификацию сил природы. Л. Леви-Брюль характеризовал первобытное мышление

как «дологическое», основанное на принципе партиципации (сопричастности), когда границы между субъектом и объектом размыты [11, с. 78–84]. Зарождающиеся архетипы проецируются вовне, на природные объекты и явления [11, с. 112–117].

Этап 2 (Политеизм). Качественный скачок. Архетипы кристаллизуются в антропоморфных божествах, каждое из которых воплощает определенный аспект человеческой психики и социального опыта [8, с. 58–65]. Как показывает Дж.Ш. Болен на примере греческого пантеона, боги-архетипы (Зевс, Гера, Афина, Афродита и др.) становятся ядром знаково-символической системы, организующей социальную жизнь [8, с. 89–96]. Социальный мозг обеспечивает эффективную передачу этих сложных мифологических конструкций через ритуалы, нарративы и социальное обучение [10, с. 145–152].

Этап 3 (Монотеизм и идеологии). Дальнейшая абстракция. Заключительный этап формирования коллективного сознания, по-видимому, произошел около 8000 лет назад, ознаменовав эпоху неолита и возникновение первых цивилизаций [5, с. 198–203]. Единый Бог или светские идеологии становятся центральными символами, объединяющими огромные популяции.

Как показывает Ю.Н. Харари, именно такие «общие мифы» позволяют миллионам незнакомцев эффективно кооперироваться в рамках государств, империй и религиозных общин [9, с. 156–162]. Христианство, ислам, буддизм, а позднее – либерализм, коммунизм, национализм – все эти системы представляют собой мощные коллективные сознания, способные координировать действия миллиардов людей.

Этот этап знаменует собой становление мощных, глобальных потоков в ноосфере, где коллективное сознание начинает оказывать обратное влияние на биосферу в масштабах, предсказанных В.И. Вернадским [2, с. 89–95].

Информационные и системные аспекты коллективного сознания

Индивид не формируется в изоляции, его сознание конституируется через интерфейсы социального взаимодействия (аудиальные, визуальные, тактильные). Как подчеркивал А.Р. Лурия, развивая идеи Л.С. Выготского, сознание имеет системное строение и социальное происхождение [13, с. 45–51]. Язык не просто средство коммуникации, но инструмент формирования самого сознания [13, с. 89–97].

В данном контексте уместна аналогия с многопоточными процессами в информатике, например, задача об «обедающих философах». Отдельный индивид в социуме может находиться в одном из состояний: «размышле-

ние» (актуализация и приобретение компетенций), «действие» (реализация компетенций) или «блокировка» (кризис, вызванный невозможностью действовать из-за недостатка ресурсов или компетенций).

Коллективное сознание, будучи эмерджентным свойством системы, не сводится к сумме индивидуальных сознаний, но подчиняется принципам детерминизма и системной целостности. Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии, утверждал, что коллективные представления обладают собственной реальностью и оказывают принудительное воздействие на индивидов [7, с. 78–84]. Согласно этого же принципа мы не можем признавать наличие коллективного бессознательного К.Г. Юнга в отрыве от непосредственно сознания [12, с. 112–118].

Ключевым отличием коллективного сознания от коллективного интеллекта (например, крупной корпорации или научного сообщества) является наличие экзистенциального измерения – страха небытия и стремления к самосохранению. Это подтверждается анализом тоталитарных идеологий XX века, где доминировала не прагматическая логика, а именно экзистенциальная риторика «выживания за счёт уничтожения другого» [6, с. 223–229].

Х. Арендт в своем фундаментальном исследовании показала, что тоталитарные режимы апеллировали к глубинному страху распада коллективной идентичности, конструируя образ внешнего врага как экзистенциальной угрозы [6, с. 367–374]. Этот механизм коренится в нейробиологии социального мозга: согласно М. Либерману, стремление к социальной связи является первичной потребностью, а социальная боль и награда обрабатываются теми же нейронными контурами, что и физическая боль, и удовольствие [10, с. 201–207].

При этом, подобно нейронным сетям, обладающим свойством нейропластичности, коллективное сознание демонстрирует способность к компенсации и восстановлению после потерь (демографических, идеологических). Идеи, религии, государства не могут быть тотально уничтожены, но лишь ассимилированы или трансформированы [14, с. 145–151]. К. Доусон убедительно показал, что религиозные традиции обладают поразительной устойчивостью и способностью к адаптации, сохраняя свое ядро на протяжении тысячелетий [14, с. 198–205].

Важно отметить, что индивид может одновременно участвовать в нескольких «сознаниях» (профессиональном, национальном, религиозном, фанатском). Это объясняет, почему индивид так глубоко погружен в «символическое поле» (Л.С. Выготский), структурированное архетипами (К.Г. Юнг). Угроза исключения из коллектива или распада его знаково-символической системы воспринимается на нейробиологическом уровне как угроза выживанию [10, с. 267–273].

Коллективное сознание, таким образом, обладая свойствами самореферентной системы, является активным агентом в ноосфере. Его экзистенциальное измерение, проявившееся в тоталитарных идеологиях XX века, коренится не только в культурном, но и в глубоком нейробиологическом страхе «социальной боли», связанной с утратой принадлежности к общей символической системе. В то же время, его созидательный потенциал, направленный на кооперацию и генерацию знаний, является главной движущей силой ноосферогенеза [1, с. 512–518].

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что коллективное сознание является сложной многоуровневой реальностью. Синтез подходов Л.С. Выготского (знаково-символическое опосредование), К.Г. Юнга и Дж.Ш. Болен (архетипическое наполнение), Ю.Н. Харари (интерсубъективные мифы), М. Либермана (нейробиология социального мозга) и, что принципиально важно, В.И. Вернадского (ноосфера как планетарный контекст) позволяет создать целостную модель его генезиса и функционирования.

Ключевым выводом является то, что коллективное сознание представляет собой не просто социально-психологический феномен, но и фундаментальный элемент перехода биосферы в ноосферу. Оно конституируется и воспроизводится через динамическую связь между глубинными архетипами, исторически изменчивыми знаково-символическими системами, биологически обусловленным «социальным мозгом» и проявляет себя как геологическая сила в рамках ноосферы.

Его изучение требует преодоления редукционистских подходов, будь то сведение общества к психологии масс или сознания – к активности нейронов [13, с. 234–241]. Природа, как правило, реплицирует успешные паттерны, и структура коллективного сознания, вероятно, является макро-уровневым повторением структур сознания индивидуального [15, с. 456–462].

В этой связи методология его исследования должна быть междисциплинарной, включая инструментарий нейронаук, социологии, антропологии и теории сложных систем [7, с. 267–273].

Практическое применение

Дальнейшие исследования в этом направлении могут позволить разработать эффективные механизмы управления социальными процессами и предотвращения деструктивных конфликтов, проистекающих из экзистенциальных противоречий между различными коллективными сознаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 576 с. – ISBN 5-8112-0481-1.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с. – ISBN 5-87604-097-5.
3. Деревянко, А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 328 с. – ISBN 978-5-7803-0203-5.
4. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с. – ISBN 5-7664-0462-6.
5. Данбар, Р. Груминг, сплетни и эволюция языка / Робин Данбар; пер. с англ. Е. Валявко, Е. Ламановой. – Москва: АСТ, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-17-096331-6.
6. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт; пер. с англ. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-010-3.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. – Москва: Канон, 1995. – 352 с. – ISBN 5-88373-023-3.
8. Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Джин Шинода Болен; пер. с англ. Г. Бардиной. – Москва: ИД София, 2005. – 272 с. – ISBN 5-9550-0525-0.
9. Харари, Ю.Н. *Sapiens*. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; пер. с англ. Л. Сумм. – Москва: Синдбад, 2016. – 520 с. – ISBN 978-5-906837-11-8.
10. Либерман, М. Социальность. Почему наш мозг запрограммирован на общение / Мэтью Либерман; пер. с англ. М. Бендет. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. – 386 с. – ISBN 978-5-91671-482-7.
11. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Люсьен Леви-Брюль; пер. с фр. – Москва: Академический проект, 2015. – 430 с. – ISBN 978-5-8291-1706-1.
12. Юнг, К.Г. Коллективное бессознательное / К.Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: АСТ, 2020. – 352 с. – ISBN 978-5-17-122632-4.
13. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
14. Доусон, К. Религия и культура / Кристофер Доусон; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 281 с. – ISBN 5-89329-266-6.
15. Марков, А.В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа / А.В. Марков. – Москва: АСТ: CORPUS, 2011. – 512 с. – ISBN 978-5-271-36294-

© Легостаева Екатерина Сергеевна (lennylen@mail.ru), Преснецов Евгений Евгеньевич (presnetsov.evgeniy@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»